

ВОЛЬФ МЕССИНГ

МАГИЯ МОЕГО МОЗГА

Откровения «личного телепата Сталина»

Вольф Мессинг

Магия моего мозга.

Откровения «личного телепата Сталина»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22460885

*Вольф Мессинг. Магия моего мозга. Откровения «личного телепата Сталина»: Яуза-пресс; Москва; 2016
ISBN 978-5-9955-0871-7, 978-5-9955-0886-1*

Аннотация

СЕНСАЦИЯ!

Первое издание секретных протоколов исследования «феномена Вольфа Мессинга» в Институте Мозга и спецлаборатории НКВД, а также личных записей великого экстрасенса, пытавшегося разгадать тайну своего невероятного дара.

Хотя публичные выступления Мессинга были разрешены в СССР, а к его предсказаниям прислушивались Берия и сам Сталин, научный официоз отказывался признать сверхъестественные способности «личного телепата Вождя». Более того, его не раз пытались представить «ловким фокусником», а то и вовсе «шарлатаном».

Поэтому Вольф Григорьевич, который признавался, что и сам до конца не понимает природу своего пророческого дара, с таким энтузиазмом принял предложение Института Мозга изучить его сознание, экстрасенсорные способности и талант прорицателя. Однако очень скоро великий телепат убедился, что эти исследования полностью засекречены, а ментальные эксперименты проводятся по заданию советских спецслужб, решавших использовать «магию» его мозга в своих интересах...

Каким образом эти протоколы под грифом «совершенно секретно» и личные откровения Вольфа Мессинга были вывезены за рубеж, не установлено до сих пор – но их издание в Израиле стало сенсацией мирового масштаба. На русском языке книга публикуется впервые.

Содержание

Предисловие к первому израильскому изданию 1993 года[1]	6
Документ 1	10
Документ 2	14
Документ 3	19
Документ 4	30
Документ 5	34
Документ 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вольф Мессинг
Магия моего мозга.
Откровения «личного
телепата Сталина»

© ООО «Яуза-пресс», 2016

Предисловие к первому израильскому изданию 1993 года¹

Личность Вольфа Мессинга до сих пор овеяна множеством загадок и тайн, слухов и сплетен.

Хотя его выступления были разрешены в СССР и собирали огромные залы, «феномен Мессинга» не укладывался в прокрустово ложе воинствующего материализма, а советский научный официоз предпочитал не изучать «магию мозга» великого телепата, но «разоблачать его фокусы» и писать на него доносы.

Современная наука не приемлет так называемых экстрасенсов или паранормов, считая всех их шарлатанами. Действительно, на человеческой жажде чуда охотно паразитируют разного рода «целители», «маги» и прочие мошенники. Однако для любого непредвзятого человека очевидно, что Вольф Мессинг – не из их числа.

Сам он всю жизнь пытался понять природу своего дара, поэтому всегда охотно шел на контакт с исследователями. Он показывал свои «психологические опыты» перед самыми авторитетными комиссиями, читал мысли, передвигал предметы энергией мозга, предсказывал будущее – но ему отка-

¹ Книга выходила в 1993 году в Израиле на иврите под названием של המוח שלי (Примечание русского редактора).

зывались верить. Были проведены десятки опытов, подтвердивших наличие у него паранормальных способностей, но объяснить природу его дарования ученые так и не смогли.

В данном издании впервые публикуются уникальные материалы, проливающие свет на многочисленные научные исследования и эксперименты с участием Вольфа Мессинга, а также его личная переписка и дневниковые записи, в которых он пытается осмыслить, чем был его феноменальный дар: благословением или проклятием? Особый интерес представляют отчеты «личного телепата Сталина» о встречах с «кремлевским горцем» и секретные документы НКВД и КГБ, которые неоднократно инициировали научную проверку «сверхъестественных способностей» Мессинга, чтобы использовать его «магию» в своих целях.

Вероятно, некоторые читатели будут возмущены самим фактом сотрудничества Мессинга с советскими спецслужбами. Однако не следует забывать, что он работал на Сталина и Берию в разгар борьбы Союзников против нацизма и, судя по документам, не запятнал себя соучастием в сталинских репрессиях.

Мы получили эти материалы в конце 1991 года, сразу после краха Советского Союза, когда с нами связался сотрудник госбезопасности СССР, представившийся майором КГБ Кузнецовым (не вызывает сомнений, что имя и звание были вымышленными). Он предложил нашему издательству приобрести «секретное досье Мессинга», которое советские

спецслужбы вели с 1930-х годов, – отчеты наблюдателей, протоколы исследований, перлюстрированная личная переписка. По словам «майора Кузнецова», досье насчитывало несколько тысяч документов, однако он передал нам для проверки лишь небольшую его часть. Мы привлекли для экспертизы сотрудников «Шабак» и «Мамад»², которые не обнаружили в представленных документах явных ошибок – стиль изложения (канцелярский язык), оформление «шапок», сорт бумаги и чернил, шрифт пишущих машинок, металл канцелярских скрепок и т. п. соответствовали имеющимся в распоряжении экспертов образцам. Графологический анализ личных записей Мессинга из этого досье также с высокой долей вероятности подтвердил их подлинность – они были сверены с его собственноручными письмами, вывезенными при эмиграции из СССР его знакомой Татьяной Лунгиной.

В результате продолжительных исследований эксперты пришли к выводу, что даже если переданные «майором Кузнецовым» бумаги являются подделкой, то подделкой, выполненной на государственном уровне. Смысл такой подделки непонятен – ее стоимость на порядок превышала сумму, которую могло бы заплатить любое издательство.

Гораздо вероятнее, что в руки к нам попали подлинные документы. Каким образом они оказались у «Кузнецова»,

² «Шабак» – контрразведка, «Мамад» – Центр политических исследований Министерства иностранных дел (*Примечание русского редактора*).

мы уже вряд ли узнаем – после короткого телефонного разговора в январе 1992 года (мы попросили дать нам еще немного времени на завершение экспертизы) «офицер КГБ» перестал выходить на связь. Что с ним случилось, выяснить не удалось. Выждав более года и окончательно убедившись в его исчезновении, мы приняли решение обнародовать имеющиеся документы.

Документ 1

Из письма В. Мессинга профессору Ф. Абелю³ (лето 1920 года):

«Я умру через 54 года 5 мес. и 18 дней. Моя смерть наступит в 11 часов вечера.

«Ну, ты и влип, Велвеле!»⁴ – сказал я себе.

Представьте, герр Абель, что подобное вдруг станет известно вам – что бы вы почувствовали тогда? Вот и я был в шоке...

А произошло все, как обычно, как уже бывало со мной.

Часа за два до рассвета я проснулся и долго не мог уснуть, а потом вся казарма, весь мир словно канули во тьму, пропали.

Было такое впечатление, будто я остался один в черной, гулкой пустоте.

И вот тогда мне было явлено будущее. Словно единственный зритель в безлюдном кинематографе, я пялился на экран, вот только показывали не фильму, а мою жизнь.

³ Профессор Франц Абель (1867–1934), известный берлинский психолог и психиатр, первым взялся изучать феномен В. Мессинга и способствовал становлению Вольфа Григорьевича как артиста (*Примечание израильского редактора*).

⁴ Настоящее имя Мессинга – Велвел («волчонок», в переводе с идиш). Велвеле – уменьшительное от Велвел (*Примечание израильского редактора*).

Когда я очнулся, сердце громко стучало, а лицо было липким от пота. Приподнявшись с постели, я рухнул обратно на койку – изнемог совершенно, словно весь божий день вкалывал, не приседая.

Страх, дикий страх накатил – и оставил меня. Я даже захихикал, как дурачок. (Нервное)

Чего мне бояться? Что помру полвека спустя? А я разве бессмертен? Или не знал, что люди имеют обыкновение стариться, частенько недотягивая и до седьмого десятка?

Как говорила моя бабушка Рейзл: «Человек рождается от матери, а помирает сам».

Да наоборот, я радоваться должен столь долгому сроку!

Значит, я не скончаюсь от рака в тридцать с небольшим, как наш сосед Янек, меня не убьют, не переедет машина. Я тихо отойду в мир иной.

И, быть может, смерть – вовсе не конец, а начало?

Вот, вы как-то спрашивали, верю ли я в Бога?

Честно скажу: я не верю в Иегову, Саваофа или Аллаха – это все убогие образы Создателя, возникавшие в воспаленных мозгах кочевников, наивные потуги познать божественную сущность по людскому подобию.

Я просто знаю, что Он есть.

Господь. Творец. Вседержитель.

И он вовсе не таков, каким малюют его на иконах или на полотнах – Бог непознаваем и непредставим. И не дано человеку понять Его, как нельзя узреть всю Землю разом, стоя

на карачках посреди огородных грядок. Копопшиться в навозе и прахе – вот наш удел.

Помнится, вы настаивали на том, чтобы я вел дневник – дескать, любая малость может помочь в исследовании «такого феномена, как В. Мессинг».

Я и вправду начал писать записки, хоть и урывками – это послание к вам, герр профессор, по сути, первая страница моего дневника. Я ее только обработал немного, чтобы зря не морочить себе голову...

А знаете, на чем я себя поймал, описывая свое не святое житие?

Что не просто веду дневник, а подыскиваю нужные слова, стараюсь повествовать искуснее, словно сочиняю рассказ о Велвеле из Гуры⁵ на потеху толпе. И в этом, герр Абель, весь я – хилый, тощий, нескладный, близорукий.

Если я слышу хохот за спиной, то деревенею, принимая насмешку на свой счет. Мучительно боюсь сильных и наглых, а если и даю сдачи, то лишь в мечтах.

И есть только одно, что отличает меня от других и возвышает над ближними – та скрытая сила, что бродит во мне, иногда пугая и даже доводя до слез. Но и утешая в то же время, придавая значимости моей, в принципе, никчемной жизни. Даже составляя предмет тайной гордости «такого феномена, как В. Мессинг».

Я ощущаю свой дар, как святониспосланную благодать,

⁵ В. Мессинг родился в Гура-Кальварии Варшавской губернии.

хотя, наверное, любая способность, выходящая за рамки среднестатистического явления, несет в себе и благое, и дурное.

Я могу читать мысли и даже видеть будущее, могу внушить то, чего нет, вот только не стану от этого ни полубогом, ни полудьяволом.

Человек ведь не меняется, обретая некие способности. Он остается тем же серым и трусливо вожделирующим существом, каким и был.

В теории, сила, коей я обладаю, способна приблизить меня к скромному могуществу.

Разве не могу я внушить девушке любовь и страсть, чтобы она с радостью и желанием отдалась мне? Могу.

Вот только будет это не чем иным, как изнасилованием.

Могу заставить ростовщика отдать мне чемодан с деньгами. Это будет воровство.

А я не хочу быть ни вором, ни насильником. Тешить беса – против моих правил. Я сам провел черту дозволенного, и никогда не переступлю ее. Аминь».

Документ 2

Письмо В. Мессинга Лее Гойзман⁶

Польша, Лодзь, 19 августа 1925 г.

«Дорогая Лея!

У тебя замечательная подруга. Если бы не Фейга, я бы не получил ни одной из тех милых записочек, которые перечитываю снова и снова, подношу к лицу, закрываю глаза, вбирая нежный аромат твоих духов, и чудится мне, что ты рядом.

До сих пор во мне живо первое, самое свежее впечатление, когда я увидел тебя. Весь мир тогда будто погрузился в цветной туман.

Мысли о том, что я влюбился, в тот самый день не мелькали – во мне жило опасение. Вдруг я ошибаюсь?

Как, вообще, люди распознают любовь? Ведь это чувство никак не выразишь, не выразишь словами. Вон, сколько веков подряд изощраются поэты – перебрали все выражения и

⁶ Лея Гойзман – первая любовь В. Мессинга, дочь текстильного фабриканта из Лодзи. Молодой Вольф встретил эту девушку летом 1925 года. Затем, после гастролей по Бразилии и Аргентине, уже в феврале 1926 года сделал ей предложение. Лея была согласна, но ее отец был резко против и выдал девушку замуж за сына своего партнера из Белостока (*Примечание израильского редактора*).

метафоры, а истины так и не ведает никто.

Не знаю, может, то, что я чувствую, и не любовь вовсе, но во мне впервые в жизни растет и укрепляется убеждение, желание — я хочу, я должен, мне очень нужно быть вместе с тобой.

Рядом, держась за руки. Хотя бы...

Я помню все наши встречи, то и дело прокручиваю в памяти, как ты улыбалась, что говорила, на что очень мило сердилась.

Вспоминаю и улыбаюсь, ловя себя на умилении.

До того дня, когда увидел тебя, я даже не подозревал, что могу быть настолько сентиментальным. И нежным.

Да и как еще, если ты — сама нежность? И прелесть...

Все-таки удивительная штука — жизнь! Еще в июле я даже не подозревал, что в мире живет такая девушка, как Лея, а теперь точно знаю, что никогда ее не забуду.

А уж то, что и ты сказала мне главные слова, наполняет меня счастьем, ради которого и стоит жить.

Но что-то я поддался амурному настрою поэтов и сам ударился в плетение романтических словес. Между тем, Лея — весьма практичная девушка, разумная, прехорошенькая, и вообще — красавица.

Ага, опять меня занесло. Стоит мне подумать о тебе, как сразу меняется поток моих мыслей, начинает кружить вокруг любимого имени.

Ты вот спрашиваешь, как я угадываю мысли? А я их не

угадываю, я их как бы слышу. Они вроде как звучат у меня в голове.

Когда человек-индуктор находится далеко, я воспринимаю его мысли, как неясное бормотание, будто голос за стеной – слышно, но непонятно. Но вот он приближается, мысли его делаются четче, разборчивей, внятней.

Хотя, если честно, поражает тот хаос, который творится в человеческих головах. Когда я беру мысль, это вовсе не значит, что я слышу такого чтеца-декламатора, отнюдь нет. Разрывчатые, прерывистые мыслеформы скачут, появляются и исчезают, наслаиваются друг на друга.

Человек все время испытывает эмоции, и они постоянно баламутят поток сознания. А когда я стою на сцене, то в голове у меня звучит целый хор, причем все говорят вразнобой, и в этой каше очень трудно сориентироваться, отстроиться от толпы, сосредоточившись на каком-нибудь одном человеке.

В этом здорово помогает телесный контакт – берешь человека за руку, и все прочие думки, со всего зала, будто отдаляются, становятся глухим фоном.

Милая Лея! Ей-богу, ты совершенно зря завидуешь мне и моим «чудесным» способностям.

«Магия моего мозга», как ты выразилась, совершенно не способна на истинное чудо. Например, чтобы любимая девушка ответила мне взаимностью. Но чудо это было-таки явлено!

Стыдно признаться, но я даже побаиваюсь иногда своего мозга, ибо не знаю, на что он способен, на какие еще выверты. Воистину, дар мой – благословение Господа, хотя иногда я сильно устаю от «магии» и начинаю мечтать о том, чтобы быть, как все.

Трудиться, приходить с работы домой, к любимой женушке (ее зовут Лея), ужинать вместе или приглашать гостей, пропускать по стаканчику с друзьями, болтать, шутить, смеяться, хвастаться отметками сына и новым платьем дочери...

Это – счастье! И я верю, что оно не минет нас, а мой потаенный дар. Он нам пригодится в хозяйстве! Верно?

Знаешь, бывает так, что человек женится на красавице, а после бросает ее и уходит к женщине, не могущей похвастаться интересной внешностью. Почему так происходит, никто не ведает. Мы сами не знаем себя, полагая, что взлелеянные нами желания действительно искренние, но как часто оказывается, что человек не имеет ни малейшего понятия о том, чего он хочет на самом деле.

Можно легко убедить себя, что желаешь добра, а потом ты будешь потрясен, открыв в себе иное – радость и удовольствие от того, что творишь зло.

И только одному мне несказанно повезло – я встретил девушку, желания которой совпадают с моими собственными. Правда?

Увидимся завтра в парке? Я буду ждать тебя у нашего ду-

ба.

Люблю. Целую.

Твой Вольф».

Документ 3

Из записок В. Мессинга⁷:

«...В санитарной части объявились три солдата и поручик. Приказали мне собираться – и на выход. Грубо так вздернули за шиворот да пинка отвесили – шевелись, жидовня!

А я не понимал – за что? Куда это меня, да под конвоем?

Суетливо хватая пожитки, я прокручивал в уме всякие варианты – ничего не сходилось. Кроме одной, самой непротиворечивой версии: санитар Мессинга приняли за советского шпиона!

Когда меня доставили на вокзал и наподдали прикладом, «подсаживая» в вагон, я почти убедился в верности своей догадки: мы направлялись в Варшаву.

Разумеется! Ведь именно там, на Саксонской площади, стоит Генеральный штаб, а в его недрах прячется «дефензива»⁸.

Мое видение будущего никак не разнилось с этой версией, разве что вселяло надежду – меня не расстреляют. Может

⁷ Записки датируются 1920 годом (*Примечание израильского редактора*).

⁸ Контрразведывательное отделение «двуйки» – Второго отдела Генштаба Войска Польского, занятого военной разведкой (*Примечание израильского редактора*).

быть.

Ведь судьбу не изменишь до тех самых пор, пока она остается неведомой тебе. Как обманешь рок?

Начнешь вести себя «непредсказуемо»? Изменишь своим привычкам? Выберешь для прогулок другие улицы? А откуда тебе знать, что сказано в Книге Судеб? Может, как раз твои «непредсказуемые» фортели и описаны на ее желтых пергаментных страницах?

Но, как только становится известно, что тебе суждено, ты легко обретаешь редчайший, небывалый шанс объегорить судьбину, выбрать иную долю. Однако выбор этот скрывает в себе не только вероятное добро, но и зло – уберегшись от уготованной тебе беды, ты сам накликаешь на себя иное несчастье. Ирония судьбы!

С варшавского вокзала меня отконвоировали в Генштаб, чего я и боялся, где передали какому-то полковнику. Полковник назвался Эугениушем Скшиньским, расточал любезные улыбки и даже велел накормить меня, что было очень кстати – в вагоне я грыз галеты, твердые, как кость, да запивал их горячей водой, убеждая желудок, что он имеет дело с душистым чаем.

Настроение у меня поднялось, а час спустя, когда мою персону доставили в Бельведерский дворец, я и вовсе повеселел. До меня, наконец, дошло, по какой такой надобности я потребовался в Варшаве. Меня хотел видеть Пилсудский!

Надо полагать, «начальнику государства» нужен был не

двадцатилетний санитар, а «польский Калиостро» – хоть мои выступления в берлинском паноптикуме и в цирке Буша не принесли мне мировой славы, но интерес у «почтенной публики» возбудили-таки.

Ожидая «аудиенции» в огромной приемной, я не волновался. Успокоился. Смерть мне грозить перестала, а уж маршала я как-нибудь распотешу.

Признаться, я поражался, до чего же извортливо оказалось шляхетское чванство – поляки пели осанну «Первому Маршалу Польши, Создателю возрожденного польского государства, Воскресителю Войска Польского, Великому Вождю и Воспитателю народа!»

Да, так и писали газеты, захлебываясь от верноподданных чувств. «Великий, мощный, молчаливый, будто сфинкс, погруженный в раздумья, выкованный из гранита. Маршал Юзеф Пилсудский – любовь и гордость народа!»

И вот он передо мною, «Великий Вождь» – меня провели в большой кабинет, где за столом сидели два длинноносых генерала, незаметный человек в штатском и он, маршал Юзеф Пилсудский.

В обычной своей серой куртке стрелка и серо-голубой фуражке-мацеювке, с пышными черными усами и тяжелым взглядом из-под насупленных бровей, маршал больше всего напомнил нашего соседа в Гуре, арендатора Здзислава. Тот такой же был – крепкий, основательный и властный.

Взгляд у Пилсудского был не просто тяжел. Он, чудилось,

гнул и ломал, подавляя волю. Смотреть маршалу прямо в глаза было трудно, но я смог.

Видимо, ему это понравилось – в выражении маршалского лица я прочел одобрение.

– Я слышал о вас от Витольда, – сказал Пилсудский и сделал небрежный жест рукой, – это дипломат⁹. Он был на вашем концерте в Варшаве. Вам удалось удивить Витольда, а это, скажу я вам, непросто. Вы читали мысли... Как вы это делаете?

– Не знаю, – честно признался я. – Представьте себе страшу слепых, куда попадает обыкновенный зрячий. «Как вы можете видеть предметы, не пощупав руками?» – спрашивают слепцы. «Да я просто вижу их!»

– А что значит «вижу»?

– Хотел бы я знать.

– Ну, это ничего, – добродушно пробурчал Пилсудский. – В отличие от Витольда, не я хожу на ваше выступление, пан Мессинг, а вы пришли ко мне. Хотя найти вас было нелегко, вы хорошо спрятались! – устроившись поудобнее, он продолжил: – У меня пропал серебряный портсигар, но не в цене дело – он дорог мне, как память. Найдете его?

Я глубоко вздохнул. Обычно, когда человек, которого я жду, или любой прохожий, еще далеко, но приближается ко

⁹ Витольд Йорко-Наркевич (1864–1924) – польский революционер, политический деятель, публицист, дипломат. В 1920–1921 годах исполнял обязанности польского посла в Стамбуле (*Примечание израильского редактора*).

мне, я слышу... Нет, не так. Я каким-то образом ощущаю его мысли, они становятся слышны мне как бы в голове – о, это очень трудно описать, а объяснить еще труднее.

Сначала мысль воспринимается как неразборчивое бормотание, но чем ближе человек, тем яснее его «голос».

Но когда я иду в толпе или стою на сцене перед переполненным залом, мысли сотен людей путаются друг с другом, мешаясь в прерывистый гул, вычленив из которого одну отдельную телепатему очень и очень трудно.

Иногда мне это удается, помогает настрой и сосредоточение, но легче всего просто взять человека за руку – телесный контакт как бы замыкает этого зрителя на меня.

В кабинете сидело всего четверо, но я здорово устал, разнервничался – как тут сконцентрируешься? А просто так подойти к маршалу и шляхтичу, да взять его за руку?

Еврей-санитар в мятой форме лапает Великого Вождя! Да еще через стол... Я внутренне содрогнулся.

И вспомнил почему-то доброго, хоть и настырного профессора Абеля, которому я был обязан тем, что стал выступать с «психологическими опытами».

Абель, как и всякий немец, был материалистом. Он с ходу отверг мои идеи о психодинамическом поле мозга, назвав их завиральными и дилетантскими. «Энергия мозга вытягивает едва на 12 вольт, о каком поле может идти речь?» – горячился он.

Я не спорил с ним и кротко соглашался.

«Это не чтение мыслей, – уверял меня Абель, – а, если так можно выразиться, «чтение мускулов». Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, тобою легко воспринимаются, Вольф. Да, ты часто выполняешь мысленные задания без непосредственного контакта с индуктором. Здесь указателем тебе может служить частота дыхания индуктора, бие-ние его пульса, тембр голоса, характер походки...»

Я только кивал, словно китайский болванчик. Да, конечно, наблюдательность – это важно. Зачем зря «расходовать нерв», когда румянец на щеках, испуг или невольное движение «дают подсказку»?

Вот и генералы, составившие компанию Пилсудскому, позволили мне «прочесть их мускулы» – каждый из них хоть раз, да глянул влево. Там висела портьера, задерживавшая высокое окно.

Я молча прогулялся к окну и отдернул портьеру.

– Вот ваша пропажа, пан маршал, – сказал я, передавая Пилсудскому тяжелый портсигар с гравировкой.

Маршал хмыкнул только, убирая «пропажу» в карман.

– Говорят, вы и будущее прозреваете, пан Мессинг? – со-щурился он.

– Иногда, пан маршал, – сдержанно ответил я, догадываясь, какой вопрос последует.

Шла война с Советской Россией, и поляки то переходили

в наступление, то поспешно отступали.

Пилсудский носился с идеей Междуморья, рыхлой конфедерации Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии и Финляндии. По сути, это была все та же старая мечта о Речи Посполитой, раскинувшейся «от моря до моря», поэтому-то сей проект был встречен весьма кисло всеми, кроме поляков.

А вот у Ленина размах был куда большим – Земшарная Республика Советов! Он потому и немцам полстраны отдал с легкостью – знал, что скоро Красная Армия перейдет в наступление и вернет не только Украину с Прибалтикой, но и Польшу. И в Берлине зареет красный флаг, и в Париже, и в Лондоне...

Конники Буденного и красноармейцы Тухачевского шли в бой с одним заливчатским девизом: «Даешь Европу!»

Это был сильный противник, однако польские генералы относились к командарму с презрением: дескать, что нам какой-то бывший поручик, вылезший в «красные маршалы»!

– Чем закончится война с Советами? – прямо спросил Пилсудский.

– Войско Польское скоро победит, – ответил я осторожно, – но до этого полякам придется отступить чуть ли не до самой Варшавы¹⁰. Тухачевский, хоть и допустит грубейшую

¹⁰ Варшавская битва 13–25 августа 1920 г., известная также как «Чудо на Висле» – одно из ключевых сражений Советско-польской войны 1919–1921 гг., в котором польские войска под командованием Ю. Пилсудского смогли остановить наступление Красной армии, совершив тем самым перелом в ходе войны. В ре-

тактическую ошибку, очень опасен¹¹.

– Это мальчишка! – фыркнул один из генералов. – Поручик! Он всю войну просидел в плену у немцев! Откуда ему было набраться опыта?

– Тухачевскому ни за что не удастся выбить наши полки из Киева! – надул щеки другой.

Я сдержался и промолчал, хотя обида жгла меня – оба чина смотрели на меня с глумливыми усмешками, и даже не телепату были ясны мысли этой парочки в генеральских погонах – дескать, жиденок-шарлатан случайно нашел портсигар, а теперь дурит нам головы всяким вздором.

Тогда я ощутил некую внутреннюю щекотку – мне до боли, до содроганья захотелось совершить маленькую месть и проучить генералов, отстегать их за глупый гонор и заносчивость.

Я был раздражен, да что там – взбешен. Обычно сильные эмоции мешают мне сосредоточиться, но холодная ярость, напротив, удесятеряет мою силу.

Хватило нескольких секунд.

– Пан маршал, – спросил я, – могу ли я сказать кое-что почтенным панам?

Пилсудский был хмур и задумчив и лишь кивнул.

зультате Польша сохранила независимость (*Примечание израильского редактора*).

¹¹ Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) – советский военачальник, Маршал Советского Союза. В описываемый период командовал войсками Красной Армии, наступающими на Варшаву (*Примечание израильского редактора*).

Глядя в глаза тому из генералов, что сидел ближе ко мне, я сказал:

– Пан генерал зря скупает акции украинских сахарных заводов. В Киеве, Житомире, Херсоне и Одессе будут править большевики.

Лицо у генерала забавно вытянулось, челюсть у него отвисла, выказывая крупные зубы, желтые от курева, а смотрел ясновельможный пан на меня так, словно увидел перед собой ожившего покойника.

Переведя взгляд на генерала, сидевшего поодаль, я проговорил:

– Пани Малгожату смущает разница в возрасте, сильно смущает.

Чин побагровел и закусил пегий ус, а Пилсудский хмыкнул. Ему понравилось, как я задел офицеров.

Штатский не думал обо мне плохо, ему я ничего не открывал, но он сам не сдержал любопытства. Поерзав, штатский вежливо спросил:

– А мне вы не можете что-нибудь... э-э... сказать?

– Пусть почтенный пан не беспокоится насчет своей дочери, – ответил я. – Она непременно поправится. Ей уже лучше.

Увидеть больную девушку, лежавшую в постели, было легче всего – передо мной сидел отец, переживавший за ее здоровье.

– Как он мог узнать, что моя Басюня больна?! – восклик-

нул человек в штатском.

Насупленные генералы промолчали, а Пилсудский попросил оставить нас одних. Все покинули кабинет, и маршал спросил:

– Пан Мессинг, вы можете открыть мне мое будущее?

– Попробую, – сказал я без большой уверенности, поскольку прилив силы вполне мог смениться спадом.

Усевшись напротив Пилсудского, я закрыл глаза и сделал несколько медленных глубоких вдохов, погружаясь в то сумеречное состояние, когда раскрывается подсознание и то странное, что сидит во мне, обретает имя действия.

– Пан маршал проживет долго, – глухо сказал я, открывая глаза, – в почете и славе. Пан маршал будет министром и премьер-министром. Будет нелегко, но пан маршал справится.

– Сколько именно лет я проживу?

– Пятнадцать, пан маршал.

Пилсудский кивнул.

– Пан Мессинг, не хотели бы вы продолжить службу в Варшаве?

Я понимал, что маршал не доброту свою проявляет, ему просто хотелось иметь меня под рукою, но и мне это было на руку (каламбур получился!).

– Хотел бы, пан маршал.

Так закончился этот длинный-предлинный день, один из тех, что влияли на мою судьбу. Пилсудский определил меня

писарем при штабе, вот я сижу и пишу – уже палец болит, и это я еще опустил всякие подробности. Как меня вели под конвоем по Варшаве, что я видел, о чем думал... Все! Хватит. Устал».

Документ 4

Немецкое психологическое общество Берлин, Фридрих-штрассе, 23 мая 1927года.

Протокол эксперимента

Тема: исследования психологических способностей В. Г. Мессинга

Присутствовали: господа В. Штерн, К. Хорни, А. Адлер, К. Бирнбаум; в качестве иностранного наблюдателя – проф. И. Шпильрейн¹².

«1. В. Г. Мессинг продемонстрировал то, что обычно именуется телепатией, то есть восприятие чужих мыслей. Члены комиссии, а также студенты-добровольцы загадывали различные слова и выражения, записывая их в блокнотах, но Мессинг назвал их все, без ошибки. При этом двое студентов всячески мешали ему, мысленно проговаривая другие слова. Испытуемый вычислил их обоих.

Интересный момент: менталист не только угадал, куда,

¹² Шпильрейн Исаак Нафтульевич (1891–1937) – советский психолог. По сути, первый из ученых СССР, изучавший феномен В. Мессинга (*Примечание израильского редактора*).

согласно заданию, положил свою ручку профессор Штерн, но и «взял», по его словам, глубинную мысль – господин В. Штерн еще год назад отнес на чердак своего дома одну из старых книг и забыл об этом. В. Мессинг выявил это старое воспоминание.

2. В. Г. Мессинг погружал добровольцев в гипнотический сон одной резкой командой: «Спать!» или вовсе отдавал подобный приказ без слов, мысленно, на что способен редкий гипнотизер. Проф. И. Шпильрейн высказался в том смысле, что отдача мысленных команд доказывает, что внушение производится не речью и пассами, а с применением неизвестного вида энергии. Мнение профессора занесено в протокол как особое, поскольку члены комиссии с ним не согласились.

В. Мессинг также показал свой давний прием, проехав вдвоем с профессором Хорни на его машине по обширному двору. При этом за рулем сидел Мессинг – с плотной повязкой на глазах, – а профессор расположился рядом и, положив руку на плечо водителя, мысленно отдавал команды: «влево», «вправо», «вперед». В. Мессинг, не видя дороги, несколько раз объехал двор, повинаясь профессорской мысли.

3. В. Г. Мессинг демонстрировал телекинетическое воздействие на мелкие и легкие предметы – перемещал по столу спички и пустой спичечный коробок, не прикасаясь к ним руками, вращал стрелку компаса.

При этом приборы фиксировали резкое усиление электрического поля вокруг его рук, а их прикосновение к добровольцам оставляло красные пятна, похожие на следы ожога.

В то же время усиливалась электропроводимость воздуха.

4. В опытах, поставленных членами комиссии, использовались различные экраны – из стекла, бумаги, металла, дерева, а также колпаки из подобных материалов. Опытным путем было установлено, что стеклянный колпак не затруднял передвижение предметов силою мысли. Перегородки из металлической сетки и жести, установленные между В. Г. Мессингом и добровольцами, мешали, но не препятствовали сеансу «чтения мыслей».

Проф. И. Шпильрейна это убедило в том, что при телепатии не используются электромагнитные колебания – они бы экранировались. Однако профессоров Адлера и Бирнбаума эксперименты не убедили.

5. Так называемая электроэнцефалограмма, полученная профессором Г. Бергером¹³, позволяет провести сравнительный анализ между ЭЭГ студентов-добровольцев и В. Г. Мессинга. Анализ показывает, в частности, что в обычном состоянии запись биотоков головного мозга В. Мессинга почти не отличается от ЭЭГ членов контрольной группы, однако когда подопытный входит в транс, демонстрирует каталепсию

¹³ Ганс Бергер (1873–1941) – немецкий физиолог и психиатр, один из создателей метода электроэнцефалографии (*Примечание израильского редактора*).

или «чтение мыслей», электрическая активность его мозга резко меняется (прежде всего по параметрам амплитуды).

6. Принимая во внимание, что метод энцефалографии, предложенный Г. Бергером, пока не получил широкого признания, комиссия не считает себя вправе делать выводы на его основе.

Тем более, что сам профессор Бергер, рассматривая возможности электроволновой модели для объяснения феномена экстрасенсорного восприятия¹⁴, счел их недостаточными.

7. Члены комиссии, заслушав доклад профессора Ф. Абеля о ранее проведенной им серии опытов, не пришли к единому мнению, однако признали, что уникальные психологические способности В. Мессинга требуют углубленного изучения, поскольку современная наука не в состоянии объяснить их».

¹⁴ Термин «экстрасенсорное восприятие» ввел в 30-х годах американский ученый Д. Райн (*Примечание израильского редактора*).

Документ 5

Комментарий академика В. Бехтерева, директора Института по изучению мозга и психической деятельности:

«Ознакомившись с материалами комиссии и отчетом тов. Шпильрейна, могу сказать следующее: я утверждал и утверждаю, что все психические процессы сопровождаются рефлекторными двигательными и вегетативными реакциями, которые доступны наблюдению и регистрации.

Безусловно, что те психологические феномены, которые проявлялись у гр. Мессинга и изучению которых посвятила себя уважаемая комиссия, также можно наблюдать и регистрировать. Однако считаю, что, пока у психологии отсутствует аппаратура, способная исследовать живой мозг и все процессы, протекающие в его тканях, мы будем не в состоянии судить о тех проявлениях, которые именуются то «животным магнетизмом», то «экстрасенсорным восприятием».

Даже такое распространенное явление, как внушение (suggestion), то есть воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи или эмоции к психической сфере самосознающего «я», не получило в научной среде определенного толкования.

Вопросы мысленного внушения не могут не интересовать человечество до тех пор, пока существование этого внуше-

ния не будет окончательно решено в том или другом смысле на основании достоверных данных. Ввиду этого собрание фактического материала, относящегося к данному вопросу, должно быть на первом плане, так как соответственная оценка этого материала и должна послужить к окончательному выяснению этого крайне важного и в то же время в высшей степени деликатного вопроса.

Если подтвердится, что в случаях такого рода мы имеем дело с настоящим мысленным внушением, то объяснение самих явлений с помощью передачи энергии от одного лица другому навязывается само собою.

Как бы то ни было, мы не должны упускать из виду, что вопрос о мысленном внушении постепенно выходит из области загадочного и неведомого, так как с развитием учения о психике как проявлении энергии и с открытиями Blondlot и Charpentier об исходящих из нервной ткани во время ее деятельности лучах самая возможность мысленного внушения становится явлением, ничуть не противоречащим нашим основным научным воззрениям.

Ввиду этого крайне желательно, чтобы к изучению явлений мысленного внушения серьезные научные деятели перестали относиться с пренебрежением.

«В одной работе, – говорит д-р Котик, – опубликованной мною несколько лет назад, я доказал, мне кажется, с достаточной убедительностью, что у нас во время мышления излучается из мозга особого рода энергия, названная мною пси-

хофизической, которая обладает способностью передаваться на расстоянии другим людям и вызывать в их мозгу такие же мыслительные процессы и образы, которые обуславливают ее возникновение в первом мозгу. Факт этот настолько установленный, что я считаю себя вправе исходить из него «как из вполне известного при объяснении совершенно необычайных и частью противоречивых новых фактов».

Но как бы ни решался вопрос об N-лучах, проблема передачи мысли на расстояние представляет собой самостоятельный вопрос, ибо предполагавшееся существование N-лучей дает лишь соответствующую почву для понимания передачи мысли на расстоянии в случае подтверждения самого факта передачи, но не более.

След., важнее всего удостовериться в том, существует ли самый факт или нет, имея в виду, что опыты в постановке Ch. Richet не дали окончательных результатов, ибо и сам автор говорит лишь о большой вероятности отражения (проектирования) мысли от мозга, а не об установлении самого факта.

А посему должен лишь согласиться с членами комиссии в том, что начатые исследования безусловно должны быть продолжены».

Записка В. Мессинга, адресованная проф. И. Шпильрейну:

«Пан профессор, вы просили описать, что я чувство-

вал, когда проводились опыты. Не знаю, чем вам поможет «опись» моих ощущений, но я никогда не упускаю возможности помочь ученым в исследовании того, что заключено во мне.

Не знаю, зачем профессор Адлер запускал генераторы Ван-Граафа¹⁵ и чего он хотел этим добиться, но работа этих аппаратов вызывала у меня болезненные ощущения в районе позвоночника, хоть и в легкой степени.

Вообще, должен заметить, что во время сосредоточения, когда я отстраиваюсь от внешних помех, легкие боли в позвоночнике случаются едва ли не в половине случаев. При этом слегка размывается зрение. Знаю, что глаза и спинной мозг составляют единое целое с головным, но уж какая тут связь, мне не ведомо.

Помимо того, электроразряды генераторов создавали помехи концентрации внимания – они будто разжижали мои усилия. Так бывает со мной в сильную грозу.

Когда я двигал спички, то чувствовал прилив тепла к ладоням. Замечу, что обычно я такими «фокусами» не балуюсь и на своих выступлениях не демонстрирую ничего телекинетического – от подобных упражнений сильно утомляешься.

Что касается чтения мыслей, то скажу прямо: у меня нет никакого желания чувствовать себя уникумом.

Считаю, что едва ли не большинство людей способно

¹⁵ Генератор высокого напряжения, изобретенный американским физиком Робертом Ван де Граафом (*Примечание израильского редактора*).

«брать» чужие мысли, просто не все одинаково развили в себе это умение. Далеко не все могут играть на скрипке, и лишь единицы достигают в этом виртуозного мастерства.

Я ведь тоже далеко не сразу научился разбирать чужие мысли – это сложно, пан профессор. Мысли человека наслаиваются друг на друга, сливаются, перемежаются цветовыми пятнами, полосами (похоже на помехи зрению, создаваемые старой, затертой киноплёнкой).

И выделить в этой мешанине прерывистый и извилистый «поток сознания» весьма непросто. Мне это удастся лишь потому, что я хороший «скрипач».

Документ 6

Из статьи корреспондента журнала «Мир сверхчужденный» В. Домбровского (Варшава, май 1928 г.):

«Вольф Мессинг – из тех людей, которые, по американскому выражению, сделали себя сами. Это молодой человек с пышной шевелюрой, глаза которого поражают умом, печалью и какой-то запредельной проницательностью.

Встречаясь глазами с этим человеком, ощущаешь нервный укол (и холодок сквозит по хребту...).

Создается такое впечатление, что в «зеркале души» Мессинга отражается некая сила, неявленная мощь, темная и грозная. Но не от лукавого, от Бога!

Слава Вольфа Мессинга уже затмила даже графа Калиостро.

Польша, Германия, Франция, Австрия, Бразилия, Аргентина – его знают везде. Выступлениям нашего менталиста рукоплескали по обе стороны океана, но что же думает о своем даре сам Мессинг? Как относится к этому необыкновенному феномену?

– Как к награде за то, чего я пока не совершил! – устало шутит он, принимая автора этих строк в гардеробной перед очередным выступлением. – Те способности, что проявились у меня еще в детстве и которые я развил тренировками, вряд

ли можно назвать даром. Это благословение. Дядя Эфраим сказал однажды, что я отмечен Богом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.